

16272183427&utm_term=—autotargeting&yclid=1757942071557357567 (accessed: 20.07.2025). (In Russ.).

Sajt *Muzeja na svalke* [online]. Available at: <https://nasvalke.tilda.ws/> (accessed: 20.07.2025). (In Russ.).

Sajt *Muzeja reciklinga* [online]. Available at: <https://nasvalke.tilda.ws/> (accessed: 20.07.2025). (In Russ.).

Sajt *Freshkills Park* (2025) [online]. Available at: <https://freshkillspark.org/> (accessed: 20.06.2025). (In Russ.).

Crutzen, P., Stoermer, P. (2000) The Anthropocene. *Global Change Newsletter*, no. 41, pp. 17–18.

Submission date: 18.08.2025.

Кожаринова Анна Ростиславовна — кандидат философских наук, доцент. Доцент кафедры философии, социологии и культурологии Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Российская Федерация, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-60-21. Доцент кафедры философии, теории и истории культуры Театрального института имени Бориса Щукина. Адрес: 119002, Российская Федерация, г. Москва, Большой Николопесковский пер., 12а, стр. 1. Тел.: +7 (499) 241-56-44. Эл. адрес: anna_adv@inbox.ru

Kozharinova Anna Rostislavovna, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Sociology and Cultural Studies, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-60-21. Associate Professor, Department of Philosophy, Theory and History of Culture, Boris Shchukin Theatre Institute. Postal address: 12a, Bolshoy Nikolopeskovsky Ln., Bldg. 1, Moscow, Russian Federation, 119002. Tel.: +7 (499) 241-56-44. E-mail: anna_adv@inbox.ru

DOI: 10.17805/zpu.2025.3.14

Основные тенденции в архитектуре России 1990–2010-х годов: социокультурная перспектива

Д. Е. ФЕСЕНКО

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Рассматривается архитектурный процесс в контексте социокультурных изменений 1990–2010-х гг. Дается краткая характеристика влияния культуры 1990–2010-х гг. на динамику стилевых трансформаций — от постмодернизма и ретроспективизма к неомодернизму в его различных версиях. Особое внимание уделяется феномену дерационализации сознания, повлекшему за собой распространение идеологии невидимой руки рынка и разрушение или деградацию инструментов управления. Это, в свою очередь, имело следствием длинный ряд внутрипрофессиональных дисфункций. Приводится их перечень и дается краткая характеристика, в том числе феномена геттоизации, перекоса в расселенческой политике в направлении сосредоточения населения в крупных центрах и опустынивания остального пространства страны, вовлечения дисциплинарной структуры профессии в механизм модных смен, массового отказа от нормативных ограничений, фактического делегирования функций по пространственному стратегированию девелопменту.

Ключевые слова: архитектурный процесс; социокультурные изменения; дерационализация сознания; геттоизация; проектно-строительный комплекс; дисциплинарная структура профессии; стилевые изменения; нормативная база

ВВЕДЕНИЕ

До последнего времени в отечественной архитектурной науке наблюдался дефицит обобщающих работ, посвященных архитектуре 1990–2010-х гг., рассматриваемой в социокультурном контексте. Хотя мониторинг процессов, происходящих в архитектурной практике, ведется в постоянном режиме, в основном периодическими изданиями.

Обобщение накопленного с начала 1990-х гг. материала, рассмотрение архитектуры в социокультурных связях и опосредованиях, с экскурсами в смежные области деvelopeмента и строительства, различные области культуры и искусства присутствует в ряде работ, одной из первых среди которых была книга-альбом Б. Голдхоорна и Ф. Мойзера, в которой представлены российские постройки с начала 1990-х до середины 2000-х гг. Авторы исходят из того, что качество российской архитектуры является результатом импорта идей и персоналий. Хотя в отдельных случаях это имеет основания, но вряд ли справедливо в отношении всей отечественной архитектуры (Meuser, 2006: 17–31).

В вышедшей несколькими годами позднее в книге Д. Е. Фесенко «Фасад / Разрез. Российская архитектура 1990-х — 2000-х гг.» исследуется как архитектурная мысль, так и практика проектирования и строительства первых двух десятилетий развития постсоветской архитектуры. Представлены и проанализированы более ста построек того времени, рассматриваемых в широкой социокультурной перспективе (Фесенко, 2008).

Культура 1990–2010-х гг. обладает бесспорной целостностью, однако если рассматривать этот период не во времени культуры, не в больших длительностях истории (Бродель, 1992), а глазами историка архитектуры, то он подразделяется на три исторических этапа: начало — конец 1990-х гг., конец 1990-х — конец 2000-х гг., конец 2000-х гг. — конец 2010-х гг., которые в общем следуют логике социально-политических и экономических трансформаций. А именно в качестве исторических водоразделов выступают распад Советского Союза, дефолт 1998 г., глобальный экономический кризис 2008–2009 гг.

На разных временных отрезках одни стилевые течения и направления сменяли другие, какие-то константы сохранялись на всем протяжении постсоветского тридцатилетия. Логика архитектурной эволюции как в своей динамике, так и в статике оказывается связанной с социокультурным целым.

На рубеже XX–XXI вв. сменяли друг друга архитектурно-художественные ориентиры, на смену старым лидерам приходили новые. За период 1990–2010-х гг. возникли и развились такие стилистические явления, как лужковский стиль и постмодернизм, нео-ар-деко / неоклассицизм и неомодернизм, регионализм и минимализм¹. Архитектурные традиции Москвы и Санкт-Петербурга традиционно выступали в качестве ведущих направлений, от которых стремилась не отстать архитектура регионов.

Одним из факторов, воздействующих на российское зодчество — иногда эксплицитно, со ссылками на соответствующие работы философов и культурологов, чаще «по наитию» или с оглядкой на мировую практику архитектуры, являлась

философская и культурологическая мысль, чаще — западная, хотя, к примеру, в рамках синергетики, или теории самоорганизации, в Советском Союзе, а затем в России сформировалась собственная мощная традиция (Капица, Курдюмов, Малинецкий, 2019). И все же большая часть постмодернистских идей, регулярно, одна сменяя другую, возникавших на культурном небосклоне начиная с 1960-х гг., исходила от ведущих фигур Запада: от Р. Барта (Барт, 1989) до Ж. Деррида (Деррида, 2000) и Ж.-Ф. Лиотара (Лиотар, 2016). Конечно, этот ряд был бы не полон без выдающегося архитектурного мыслителя Ч. Дженкса (Дженкс, 1985).

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ АРХИТЕКТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ РУБЕЖА XX–XXI ВВ.

В отечественной политико-философской мысли существует представление, что Советский Союз с его универсалистскими претензиями, проявлявшимися в различных сферах — от политики до экономики и культуры, представлял собой один из последних ярких примеров эпохи модерна во всем мире. О справедливости этого суждения свидетельствуют последующие три десятилетия исторического развития, в том числе в мировом масштабе.

Отодвинув в сторону рационализм мышления и разочаровавшись в науке как одной из его объективаций, релятивизировав понятия этики и морали, присягнув неолиберальным догмам в экономической сфере, общество было ввергнуто в мир постмодернистских иллюзий, порождаемых новыми информационно-коммуникационными средствами. Концепция постиндустриализма в ее различных ипостасях — от «технотронного» (Бжезинский, 2021), «информационного» (Махлуп, 1966) и «общества Третьей волны» (Тоффлер, 1999) до «сетевого общества» (Кастельс, 2000) — подвела теоретико-методологический фундамент под происходящие изменения — транзит от современной эпохи к постмодерну.

Россия в этом ускоренном скольжении по наклонной плоскости к идеалам плюрализма и всепримирения стала, быть может, одним из самых прилежных учеников. В 1990-е гг. страну захлестнул девятый вал постмодерна, который вытеснил эпоху модерна, по сути, на протяжении десятилетия. Этот процесс в вляотекущем режиме начался еще во второй половине 1950-х гг., т. е. практически синхронно или с небольшим лагом запаздывания по отношению к первым манифестациям постмодерна в западной культуре, на что указывает Б. Е. Гройс (Гройс: Электронный ресурс).

М. С. Каган связывает постмодерную эпоху с новым переходным периодом социокультурной эволюции. Он подчеркивает, что понятие «постмодернизм» значит «после модернизма», «поставангард», характеризуя духовный настрой постсовременного общества (Каган, 1997: 514). «Постмодернизм ведет поиски нового языка современного искусства, основанного на синтезе реалистического, натуралистического, романтического способов воспроизведения реальности с сюрреалистическими, абсурдистско-гротескными, символическими формами» (Каган, 1996: 395–396).

Описывая ситуацию постмодерна в российской культуре, Б. Е. Гройс подчеркивает, что художник-постмодернист не является создателем чего-то нового — он, будучи готовым к диалогу с различными культурами, предстает скорее в качестве комбинатора уже существующего, состоявшегося. Российский постмодернизм Б. Е. Гройс рассматривает как постутопическое (послесоветское) искусство, вписывающееся в координатную сетку западного постмодернизма. В качестве основ-

ной стратегии постмодернизма он видит переключение внимания «на тот массовый культурный контекст, от которого модернистская идеология стремилась отмежеваться», на то, что раньше считалось неискусством, — от обценной лексики до эротики и «попсовой моды» (Гройс: Электронный ресурс).

В глазах постмодерниста нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. История подошла к своему завершению, мир погряз в культурном тлене и распаде. Единственная перспектива — просеивая, перебирать эти осколки ушедших эпох и культур в поиске новых смыслов. Это ощущение исчерпанности пронизывает эстетику и искусство. Деформация окружающего мира рождает чувство пустоты, обрыва нитей преемственности с историей, ушедшими поколениями, утраты равновесия, интуицию состояния нестабильности, хрупкости бытия.

Постмодернизм в своем отчуждении от истории с готовностью собирает, стремится собрать эти исторические осколки, отсюда — эти его цитатность, интертекстуальность, референциальность. Настоящее включает в себя прошлое вопреки тому, что оно не является для него авторитетом.

В рамках архитектурного дискурса исследователи, как правило, оперируют понятием «постмодернизм», более узким, чем «постмодерн». Если постмодерн предстает как культурная эпоха, сменяющая модерн, подводящая черту под классическим и неклассическим типами рациональности и определяющая содержание общественного сознания середины XX — начала XXI в., то постмодернизм понимается как художественное отражение постмодерной эпохи. Постмодернизм локализован в конъюнктурном времени, в то время как постмодерн — во времени больших длительностей, по Ф. Броделю. Под «la longue durée» французский ученый понимал исторические структуры, медленно изменяющиеся во времени, — такие как материальная культура, повседневная жизнь, история ментальностей и др. Очевидно, постмодерн подпадает под данное определение.

Что касается «le temps conjoncture», то Ф. Бродель связывал с этим феноменом различные социальные движения, которые затрагивают «экономику, политику, географию, но в такой же мере — и самопознание, коллективное мышление, преступность с ее подъемами и спадами, сменяющие друг друга художественные школы, литературные течения, саму моду» (Бродель, 1992: 60–66). Архитектурный постмодернизм без нажима входит в эту последовательность.

С большими длительностями и конъюнктурным временем можно соотнести явления модерна и модернизма. В отличие от более широкого понятия «модерн», охватывающего несколько столетий начиная с XVI–XVII вв., модернизм относится к направлению в искусстве конца XIX — второй половины XX в. Аналогично термин «постмодерн» охватывает эпоху середины XX в. — первых десятилетий XXI в. и относится к определенным социальным, в том числе экономическим, технологическим, этническим феноменам, тогда как время существования постмодернизма для большей части видов искусства ограничивается концом 1950-х — началом 2000-х гг. (для России характерно запаздывание, особенно в сфере архитектуры) и соотносится скорее с явлениями в культуре — искусстве, литературе, философии.

Собственно, данная теоретическая конструкция, включающая два иерархических уровня (а не трехуровневая, как у Ф. Броделя), предложена в начале 1990-х гг. — правда, тогда автор обращался к работам не Ф. Броделя, а Н. А. Хренова (Хренов, 2014: 381–392). Речь шла о рассмотрении истории архитектуры во времени культуры, или в больших длительностях, предполагающем вековую метрику, и во време-

ни политической — конъюнктурной — истории, охватывающем «малые» архитектурные процессы — размерностью до нескольких десятилетий, а также событийные ряды истории архитектуры (Фесенко, 1993: 26–27).

Так вот, если обратиться к архитектуре, то, как пишет А. Г. Раппапорт в своем блоге «Башня и лабиринт», постмодернизм представлял собой попытку архитектуры вырваться «из жестких схем промышленной урбанизации и бюрократического порядка», поставив «свободную творческую волю над технократией и массовым обществом». Однако на поверку вышел «технический цирк как баловство свободы над необходимостью» (Раппапорт, 2022: Электронный ресурс).

И. А. Азизян, рассматривая влияние постмодернизма на архитектурную композицию, указывает на то, что он обнаруживает неклассическое и даже противоречащее классическому осмысление архитектурной формы. Речь идет о цитате, иронии, коллаже, палимпсесте. Традиционные средства гармонизации архитектурной композиции — от ритма до масштаба и пропорционального строя — нуждаются в пересмотре. «Необходимо понять откровенное, пусть не лишенное пародийного или, по крайней мере, иронического привкуса цитирование из иных, эпохально-стилистически далеких контекстов зодчества в ткани новой художественной формы постройки» (Азизян, 2019 : Электронный ресурс).

Любопытна трактовка А. Г. Раппапортом проблемы времени в постмодерне: «Восстанавливаются консервативные ценности традиции, сроки правления лидеров стремятся к пожизненным срокам правления фараонов, в то время как новости дня, которые читаются каждый час, а то и чаще, ловятся ухом уже как новое солнце с его временем суток». Такие контрасты скоростей особенно пагубно отражаются на градостроительстве, транспорте и архитектуре, где «новая множественность типов времени превращается в настоящий кошмар» (Раппапорт, 2020 : Электронный ресурс). По сути, автор рисует картину переплетения, наложения темпоральных феноменов — большой длительности, конъюнктурного и событийного времени (за исключением геоистории). Другое дело, что Ф. Бродель относил это к эпохе раннего капитализма (Бродель, 1992), а вовсе не к «дымящейся истории» (в его определении), в данном случае — постмодерну.

Можно говорить о процессе дерационализации и мифологизации сознания российского общества в 1990–2010-е гг. под воздействием постмодерна. Как подчеркивает С. Г. Кара-Мурза, описавший данный феномен еще в конце 1990-х — начале 2000-х гг., «произошло повреждение и частичная деструкция структур мышления значительной части работников управления и органов власти РФ, а также их социальной базы — гуманитарной и научно-технической интеллигенции. Из этой среды новые (“странные”) нормы и приемы мышления диффундируют в массу людей с более низким уровнем образования. Результатом стала общая неспособность рационально оценивать опасности, прогнозировать риски и осуществлять контроль над чрезвычайными событиями и процессами. Более того, неадекватные умозаключения сами становятся источниками опасности и порождают саморазрушение систем. Перестройка и реформа привели к тяжелому поражению рациональности. Сегодня наша культура в целом отброшена в зону темных, суеверных, антинаучных взглядов — Просвещение отступило» (Кара-Мурза, 2003: 16–34).

Нарушение норм рациональности С. Г. Кара-Мурза фиксирует в когнитивных дефектах, повреждениях структур мышления: от некогерентности умозаключений и гипостазирования до ухода от фундаментальных вопросов и неразличения целей

и ограничений (там же). Собственно, этот процесс, впервые заявивший о себе еще в позднесоветские десятилетия, по С. Г. Кара-Мурзе, стал предпосылкой альянса номенклатуры, деминтеллигенции (в его определении) и криминалитета, одним из результатов которого стал распад Советского Союза в начале 1990-х гг.

О лавинообразности процесса дерационализации сознания, распространении идеологемы невидимой руки рынка, разрушения или деградации инструментов управления, в том числе пространством городов, свидетельствуют, в частности, изменения образа жизни населения и средоустройства российских поселений. В качестве примера можно привести факт нарастающей геттоизации жилых кварталов и целых районов типа Котельников или Мурино в миллионниках и крупнейших городах страны (Фесенко, 2021: 68).

Еще в начале 1990-х гг. градостроители были убеждены в том, что у российского общества есть надежный антидот против такого рода угроз благодаря, во-первых, более или менее высокому стандарту жилищного строительства из сборного железобетона (в отличие, к примеру, от фавел Латинской Америки) и, во-вторых, перемешиванию социальных слоев, когда через стенку друг от друга проживали и неплохо уживались ученый и токарь. Однако уже в первой половине 2000-х гг. в застройке Москвы и Петербурга, Екатеринбурга и Красноярска стали возникать первые признаки социально-имущественной и этнокультурной сегрегации, которые во второй половине 2000-х — 2010-е гг. последовательно нарастали (там же).

Процессы примитивизации и деградации развернулись в сфере культуры — литературе, кинематографе, театре, телевизионном искусстве. Возможно, наиболее отчетливо противопоставленность исторических эпох — модерна и постмодерна — прослеживается в песенном жанре. На смену строкам из песен 1960–1970-х гг. — «Незаметна кровь была, красная на красном» («Баллада о знамени», слова Р. И. Рождественского, музыка О. Б. Фельцмана) и «Вихрем закружит белый танец» («Белый танец», слова И. Д. Шаферана, музыка Д. Ф. Тухманова) — пришли незамысловатые слова из репертуара, наследующего блатному шансону и попсовым частушкам — «Никого не жалко, никого — ни тебя, ни меня, ни его» («Никого не жалко», автор С. В. Шнуров).

В этом смысле отечественная архитектура была не одинока.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РОССИЙСКОЙ АРХИТЕКТУРЕ

1990–2010-х гг.

Остановимся более подробно на изменениях в архитектуре и градостроительстве 1990–2010-х гг., обозначив основные тенденции — в привязке к десятилетиям, в том числе приведшие к ряду негативных последствий, прежде всего в организационно-управленческой сфере.

1. Решительное сокращение государственного заказа в 1990-е гг. и постепенное его возвращение в 2000–2010-е гг. Фигуры частного и корпоративного заказчика, а также девелопера, с одной стороны, и частных проектных компаний и бюро — с другой, становятся основными субъектами архитектурного процесса 1990–2010-х гг. Если в советское время финансирование строительства жилья являлось прерогативой государства (не считая ограниченных объемов кооперативного строительства), то в настоящее время 98% жилищного строительства осуществляется на деньги граждан. Девелопменту по факту делегированы функции пространственного стратегирования развития страны, при том что целью деятельнос-

ти корпоративного и частного бизнеса является максимизация прибыли, а вовсе не постановка и достижение общегосударственных целей и задач.

2. Вовлечение дисциплинарной структуры профессии в механизм модных смен, до того распространявшийся на стилевую динамику, предпочтение мало- и многоэтажной застройки и др. Так, на 1990-е — начало 2000-х гг. приходится игнорирование градостроительства, ландшафтной архитектуры и реставрации, выпавших из системы профессиональных приоритетов, за которыми, наряду с экономическими основаниями, незримо стоят художественно-эстетические идеалы. Их возрождение относится уже к концу 2000-х — 2010-м гг. — вряд ли подобные перекосы способны обеспечить профессиональную преемственность (Фесенко, 2018: 14–87).

В это время вследствие колебательной динамики, вовлекшей в свою орбиту архитектурные дисциплины, происходит попеременный отток, а также возвратное движение: архитекторов и градостроителей — в сферу дизайна в 1990–2000-е гг., архитекторов — в ландшафтную архитектуру, градостроительство и реставрацию в конце 2000-х — 2010-е гг. Также такая профессиональная «текучка» как следствие раскачивающегося маятника культуры не может свидетельствовать о профессиональном здоровье и благополучии.

3. Изменения стилистической сферы. Для них характерны распространение в 1990-е гг. ретроспективизма и постмодернизма, со второй половины 1970-х гг. испытывавших давление со стороны строительной бюрократии, что привело к многодесятилетнему запаздыванию отечественного архитектурного процесса по отношению к общемировому, и вышедших на первые роли благодаря появлению фигуры частного заказчика и возрождению частного проектного бизнеса. Мэр Москвы Ю. М. Лужков в начале 1990-х гг. решительно поддержал вынужденно задержавшиеся на старте архитектурные веяния — происшедший стилистический поворот получил название лужковский стиль, который быстро распространился на другие российские города. Дело в том, что социокультурная почва была подготовлена — в позднесоветские десятилетия росло отторжение монотонной и однообразной архитектуры новых жилых районов, являвшихся проекцией советского модернизма.

2000–2010-е гг. отмечены доминированием широкого спектра неомодернистских течений — от неоконструктивизма до нерадикальных версий нелинейной архитектуры, а также неоклассики/нео-ар-деко, при общей установке на архитектурное разнообразие, в направлении сближения с мировым архитектурным процессом. К концу 2010-х гг. в столичной архитектурной практике лидерство захватывает минимализм, при том что для российских регионов характерна большая архитектурная терпимость.

4. Разделение жилищного строительства на сегменты — для немногочисленной обеспеченной публики — от бизнес- до элит- и премиум-, и «для остальных» — сначала эконом-, позднее стандарт-класса. Первый активно развивается и дифференцируется, второй, по факту, воспроизводит модель массового домостроения из ассортимента сборных железобетонных элементов, восходящую к концу 1950-х гг. и носившую все более архаичный, а главное — асоциальный характер, прежде всего в силу неуклонно нарастающей этажности и миниатюризации квартир.

К концу 2010-х гг. средняя этажность вводимого по стране жилья достигла 19 этажей при средней площади квартиры менее 50 м². С конца 2010-х гг. набирает силу тренд индивидуального жилищного строительства, доля которого стала неу-

клонно расти. Средняя площадь вводимых с конца 2010-х гг. индивидуальных домов оказывается в три раза больше средней площади квартир в новостройках при стоимости 1 кв. м в разы ниже, чем в многоэтажном многоквартирном жилье, т. е. сопоставима с той же 50-метровой квартирой. При том что в 130–145-метровом доме может разместиться семья с тремя-четырьмя детьми, тогда как в 50-метровой квартире — максимум супружеская пара.

Многоэтажное железобетонное строительство тянет за собой и модель централизованных систем жизнеобеспечения, исправно работавшую в советское время при централизованной же системе управления коммунальным хозяйством, копеечной стоимости электричества, воды, газа и пр. Сегодня она входит в неразрешимое противоречие с настоящими условиями градостроительства инвестиционного, ориентированного на максимизацию прибыли частного застройщика. В современных условиях инженерные системы, доставшиеся от советской эпохи, не реконструируемы в принципе по причине отсутствия источника средств — попытка сброса финансирования с государственных и муниципальных плеч на граждан обречена по причине невысоких доходов большей части населения. По мнению А. С. Кривова и Ю. В. Крупнова, выходом из тупиковой ситуации является смена градостроительной модели, предполагающая в том числе переход от централизованных к автономным системам жизнеобеспечения (Кривов, Крупнов, 2004: 49–56).

5. Масштабное вовлечение зарубежных архитекторов в 2010-е гг., безотносительно к их месту внутри профессиональной иерархии, к работе, в том числе над государственными заказами, при том что многие ведущие российские архитекторы оказываются невостребованными. Еще более поразительной, вызывающей неокOLONIALНЫЕ ассоциации, выглядит практика 2010-х гг., когда в архитектурных конкурсах могли участвовать строго консорциумы, в состав которых в обязательном порядке должны были входить иностранные проектные компании.

Давление денег, их определяющее влияние на градостроительные процессы в 1990–2010-е гг. сопоставимы с решениями партии и правительства, их воздействием на архитектуру и градостроительство в советский период. Вот только последствия коммерциализации, принятия монетаристски мотивированных решений могут оказаться более тяжелыми — к примеру, лоббируемое девелопментом придание неопределенности, по сути, разрушение системности строительного законодательства, включая массовую отмену строительных норм.

6. Стягивание населения в ограниченное число миллионников и крупных городов при опустынивании остального пространства страны, стартовавшее еще в конце 1950-х гг. вместе с программой «сселения неперспективных деревень», укрупнения колхозов и совхозов и организации так называемых центральных усадеб. Девелопмент вкупе с финансовыми структурами и местной властью оказываются главными бенефициарами строительства многоэтажного жилья с неуклонно мельчающим квартирным фондом, которое получило меткое название «человеяники». Тем самым под российское общество закладываются мины, прежде всего в областях национальной безопасности, демографии и экономики. Речь идет о гиперконцентрации населения в крупнейших центрах, как бы провоцируя наших партнеров на принятие кардинальных решений, закрытии каких-либо перспектив выхода страны из демографического тупика и консервации модели деиндустриализации, охватившей практически все поселения страны, но наиболее очевидной в миллионниках и крупнейших городах.

Также среди основных деформаций и дисфункций, являющихся следствием проводимой градостроительной политики и имеющих организационно-управленческие и финансово-экономические последствия, очевидно девелоперское давление на город, следствием чего являются деградация городских ландшафтов, в том числе изменение силуэтной линии, нарастание транспортных проблем, утрата объектов культурного наследия, застраивание общественных пространств и зеленых территорий.

2010-е гг. характеризуются повышенным вниманием к развитию общественных пространств при недооценке прочих градостроительных приоритетов, никак не менее важных, в частности модернизации и развития инженерной инфраструктуры, строительства социального жилья и реиндустриализации. В этой перспективе благоустройство общественных пространств предстает в качестве одного из составных элементов «защитного пояса» агонизирующего неолиберализма, оказываясь прямым следствием попадания данного раздела профессиональной деятельности в «зону притяжения» современной культуры.

7. Деградация архитектурной науки в ее как теоретическом, так и прикладном сегментах, при монополизации научной сферы историками архитектуры, тяготеющими к позитивистской методологии, восходящей к XIX в., в связи с чем в архитектурной науке сложился антитеоретический и антистратегический консенсус. Такая дистанцированность архитектурного знания от реальных проблем современной архитектуры, градостроительства, расселения резонирует как с господствующей либерал-монетаристской идеологией, так и с интересами строительной бюрократии, являющейся бенефициаром сложившейся в последние десятилетия в отрасли хищнической девелоперской модели.

Пространственное стратегирование вопреки видимому благополучию (есть Федеральный закон №172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации», есть федеральные Схемы территориального планирования (СТП) в области транспорта, трубопроводного транспорта, объектов здравоохранения и высшего образования, национальной безопасности, утверждены друг за другом Стратегии пространственного развития РФ 2019 и 2024 гг., наконец, в Стратегии национальной безопасности РФ появились строки о недопустимости стягивания населения и субъектов экономической деятельности в крупнейшие центры), по сути, отсутствует как институт развития. Можно надеяться, что стартовавшая в январе 2025 г. разработка Генеральной схемы расселения и градостроительного развития на территории РФ сдвинет ситуацию с мертвой точки.

Подведение баланса плюсов и минусов, порожденных постсоветской эпохой, не входит в задачи настоящего исследования. Тем не менее нельзя не заметить, что ряд вышеуказанных сбоев и дисфункций в сфере архитектуры и градостроительства носит системный характер и чреват весьма тяжелыми последствиями, в том числе имеющими военно-стратегическую значимость. Имеются в виду прежде всего эпидемия либерализации строительного законодательства в виде массового упразднения и наделения статусом добровольного — т. е. необязательного — применения СНиПов/ГОСТов и сосредоточение масс населения в ограниченном числе агломераций при оголении остальных территорий страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье рассмотрено влияние постмодерной эпохи на отечественную практику архитектуры и градостроительства. Отказ от рации — одного из достижений эпо-

хи модерна — повлекло за собой, во-первых, дерационализацию и мифологизацию сознания, а во-вторых, коммерциализацию всех сфер жизни, в том числе связанных с профессией архитектора. А. Г. Раппапорт назвал это «баловством свободы над необходимостью» (Раппапорт, 2022: Электронный ресурс).

В России эти процессы очевидны более, чем где бы то ни было. Равно как и негативные последствия, можно сказать, социальные издержки эпохи постмодерна. Мы вскользь затронули ее скорбное наследие в некоторых разделах общественной практики, в частности в песенном жанре, где нередко культура «проговаривается», выдавая сокровенные смыслы, благодаря чему массовую музыкальную культуру можно рассматривать в качестве лакмусовой бумажки глубинных сдвигов в культуре и провозвестника грядущих социальных перемен.

Главное внимание уделено деструктивным явлениям в области архитектуры и градостроительства. Среди них — гиперконцентрация населения в крупных центрах при оголении остального пространства страны, распространение феномена геттоизации в крупнейших городах, фронтальная отмена строительных норм, попадание дисциплинарной структуры профессии в орбиту моды, упадок государственного заказа в 1990-е гг., предпочтение российским архитекторам зарубежных, в том числе в сфере госзаказа, деградация архитектурной науки как следствие сложившегося антитеоретического и антистратегического консенсуса.

В свое время эпоха модерна в области архитектуры породила блестящие достижения в лице конструктивизма, функционализма, ар-деко, а в урбанистической сфере привела к катастрофе «Плана Вуазен» (слава Богу, нереализованного) и феномену новых микрорайонов, которые предстают в качестве высшей объективации градостроительного модернизма. Постмодерная эпоха по факту повторила подвиг модерна: архитектурную практику бесспорно обогатили такие замечательные культурные феномены, как деконструктивизм, параметризм или новый извод неоклассики, в то же время вышеприведенный перечень дисфункций, особенно в области градостроительства и управления пространственным развитием, не может не впечатлять.

Иначе говоря, каждая новая историческая эпоха заведомо оказывается кладом новых достижений, особенно в области архитектурного формообразования, но одновременно чревата деструктивными явлениями, сосредоточенными, как правило, в урбанистической и организационно-управленческой сферах. Встает вопрос прогнозирования возможных отрицательных последствий новоявленной культурной формации в области архитектуры и градостроительства, ее рефлексивного регулирования и управления.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Стилиевые течения и направления как апеллирующие к архитектурному наследию (лужковский стиль, постмодернизм, нео-ар-деко, неоклассицизм), так и развивающие язык современной архитектуры (неомодернизм, минимализм). Регионализм обращается к историческим архетипам, однако перетолковывает их в неомодернистских формах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Азизян, И. А. Отечественная архитектурно-теоретическая мысль рубежа XX–XXI веков [Электронный ресурс]. URL: https://journals.istu.edu/design_forum/journals/2010/01/articles/00?view=0 (дата обращения: 10.01.2025).

- Барт, Р. (1989) Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер. с фр. Г. К. Косикова. М. : Прогресс. 616 с.
- Бродель, Ф. (1992) Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М. : Прогресс. 679 с.
- Бжезинский, З. (2000) Великая шахматная доска. М. : Neoclassic. 256 с.
- Гройс, Б. Полуторный стиль: социалистический реализм между модернизмом и постмодернизмом [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/@chrongday-boris-grois-polutornyii-stil-socialisticheskii-realizm-mezhdu> (дата обращения: 10.01.2025).
- Деррида, Ж. (2000) О грамматологии. М. : Ad Marginem. 512 с.
- Дженкс, Ч. (1985) Язык архитектуры постмодернизма / пер. с англ. А. В. Рябушина, М. В. Уваровой ; под ред. А. В. Рябушина, В. А. Хайта. М. : Стройиздат. 136 с.
- Каган, М. С. (1996) Философия культуры. СПб. : Петрополис. 414 с.
- Каган, М. С. (1997) Эстетика как философская наука. СПб. : Петрополис. 543 с.
- Капица, С. П., Курдюмов, С. П., Малинецкий, Г. Г. (2019) Синергетика и прогнозы будущего. М. : Ленанд. 152 с.
- Кара-Мурза, С. Г. (2003) Подрыв рационального мышления и рефлексивное управление // Рефлексивные процессы и управление. Т. 3. №2. С. 16–34.
- Кастельс, М. (2000) Информационная эпоха: экономика, общество, культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ. 608 с.
- Кривов, А. С., Крупнов, Ю. В. (2004) Дом в России. Национальная идея. М. : ОЛМА Медиа Групп. 408 с.
- Лиотар, Ж.-Ф. (2016) Состояние постмодерна. М. : Алетея, 160 с.
- Махлуп, Ф. (1966) Производство и распространение знаний в США. М. : Прогресс. 462 с.
- Раппапорт, А. Г. (2020) Модерн — традиция — постмодерн. Башня и лабиринт [Электронный ресурс]. URL: https://papardes.blogspot.com/2020/07/blog-post_18.html (дата обращения: 10.01.2025).
- Раппапорт, А. Г. (2022) Постмодернизм. Башня и лабиринт [Электронный ресурс]. URL: https://papardes.blogspot.com/2022/05/blog-post_2.html (дата обращения: 10.01.2025).
- Тоффлер, Э. (1999) Третья волна. М. : АСТ. 784 с.
- Фесенко, Д. Е. (2021) Геттоизация — от городских районов к регионам? // Архитектурный вестник. № 2.
- Фесенко, Д. Е. (1993) Концепции истории отечественной архитектуры Новейшего времени: проблема интеграции // Архитектурный вестник. № 2. С. 26–27.
- Фесенко, Д. Е. (2018) Современная архитектура и строительство // Атлас истории зарождения и развития строительного комплекса Государства Российского. Т. 2. М. : Интергруп. С. 14–87.
- Фесенко, Д. Е. (2008) Фасад / Разрез. Российская архитектура 1990-х — 2000-х гг. М. : Архитектурный вестник. 516 с.
- Хренов, Н. А. (2014) Между линейным и циклическим принципом: история искусства в ракурсе социодинамики П. Сорокина // Культура и искусство. №5 (23).
- Goldhoorn, B., Meuser, Ph. (2006) Capitalist Realism. New Architecture in Russia. DOM Publishers. Pp. 17–31.

Дата поступления: 15.07.2025 г.

MAIN TRENDS IN RUSSIAN ARCHITECTURE IN THE 1990S–2010s:

A SOCIO-CULTURAL PERSPECTIVE

D. E. FESENKO

MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

The architectural process is considered in the context of socio-cultural changes of the 1990s–2010s. A brief description of the influence of the culture of the 1990s–2010s on the dyna-

mics of stylistic transformations is given — from postmodernism and retrospectivism to neo-modernism in its various versions. Particular attention is paid to the phenomenon of de-rationalization of consciousness, which entailed the spread of the ideologeme of the invisible hand of the market and the destruction or degradation of management tools. This, in turn, resulted in a long series of intra-professional dysfunctions. A list of them is presented and a brief description is given, including: the phenomenon of ghettoization, a bias in the resettlement policy towards concentrating the population in large centers and desertification of the rest of the country's space, the involvement of the disciplinary structure of the profession in the mechanism of fashionable changes, a mass rejection of regulatory restrictions, the actual delegation of functions for spatial strategizing development.

Keywords: architectural process; socio-cultural changes; de-rationalization of consciousness; ghettoization; design and construction complex; disciplinary structure of the profession; stylistic changes; regulatory framework

REFERENCES

- Azizjan, I. A. Otechestvennaja arhitekturno-teoreticheskaja mysl' rubezha XX–XXI vekov [online]. Available at: https://journals.istu.edu/design_forum/journals/2010/01/articles/00?view=0 (accessed: 10.01.2025). (In Russ.).
- Barthes, R. (1989) *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* / transl. by G. K. Kosikov. Moscow, Progress. 616 p. (In Russ.).
- Braudel, F. (1992) *Material'naja civilizacija, jekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.*, vol. 3. Vremja mira. Moscow: Progress. Pp. 60–66. (In Russ.).
- Brzezinski, Z. (2021) *Velikaia shakhmatnaia doska*. Moscow, Neoclassic. 256 p. (In Russ.).
- Grois, B. Polutornyi stil': sotsialisticheskii realizm mezhdru modernizmom i postmodernizmom [online]. Available at: <https://vk.com/@chrongday-boris-grois-polutornyi-stil-socialisticheskii-realizm-mezhdru> (accessed: 10.01.2025). (In Russ.).
- Derrida, J. (2000) *O grammatologii*. Moscow, Ad Marginem. 512 p. (In Russ.).
- Jencks, Ch. (1985) *Iazyk arkhitektury postmodernizma* / transl. by A. V. Riabushin, M. V. Uvarova; ed. by A. V. Riabushin, V. L. Khait. Moscow, Stroiizdat. 136 p. (In Russ.).
- Kagan, M. S. (1997) *Jestetika kak filosofskaja nauka*. St.-Petersburg, Progress. (In Russ.).
- Kagan, M. S. (1997) *Filosofija kul'tury*. St.-Petersburg, Progress. (In Russ.).
- Kapitsa, S. P., Kurdumov, S. P., Malinetskii, G. G. (2019) *Sinergetika i prognozy budushchego*. Moscow, Lenand. 152 p. (In Russ.).
- Kara-Murza, S. G. (2003) Podryv ratsional'nogo myshleniia i refleksivnoe upravlenie. *Refleksivnye protsessy i upravlenie*, vol. 3, no 2, pp. 16–34. (In Russ.).
- Castells, M. (2000) Informatsionnaia epokha: ekonomika, obshchestvo, kul'tura / transl. from English; ed. by O. I. Shkaratan. Moscow, GU VShE. 608 p. (In Russ.).
- Krivov, A. S., Krupnov, Yu. V. (2004) *Dom v Rossii. Natsional'naja ideia*. Moscow, OLMA Media Grupp. Pp. 49–56. (In Russ.).
- Liotard, J.-F. (2016) *Sostoianie postmoderna*. Moscow, Aleteiia. 160 p. (In Russ.).
- Machlup, F. (1966) *Proizvodstvo i rasprostranenie znanii v SShA*. Moscow, Progress. 462 p. (In Russ.).
- Rappaport, A. G. (2022) Post-modernizm. Bashnja i labirint [online] Available at: https://papardes.blogspot.com/2022/05/blog-post_2.html (accessed: 10.01.2025). (In Russ.).
- Rappaport, A. G. (2020) Modern — tradicija — postmodern. Bashnja i labirint [online] Available at: https://papardes.blogspot.com/2020/07/blog-post_18.html (accessed: 10.01.2025). (In Russ.).
- Toffler, A. (1999) *Tret'ia volna*. Moscow, Izdatel'stvo AST. 784 p. (In Russ.).
- Fesenko, D. E. (2021) Gettoizatsiia — ot gorodskikh raionov k regionam? *Arkhitkturnyi Vestnik*, no 2. (In Russ.).
- Fesenko, D. E. (2008) Fasad / Razrez. Rossiiskaia arkhitektura 1990-2000-kh gg. Moscow, Arkhitkturnyi Vestnik. 516 p. (In Russ.).

Fesenko, D. E. (1993) *Koncepcii istorii otechestvennoj arhitektury Novejshego vremeni: problema integracii. Arbitekturnyj Vestnik*, no 2, pp. 26–27. (In Russ.).

Fesenko, D. E. (2018) *Sovremennaja arhitektura i stroitel'stvo*. In: *Atlas istorii zarozhdeniia i razvitiia stroitel'nogo kompleksa Gosudarstva Rossiiskogo*. Vol. 2. Moscow, Intergrup. Pp. 14–87. (In Russ.).

Khrenov, N. A. (2014) *Mezhdru linejnym i ciklicheskim principom: istorija iskusstva v rakurse sociodinamiki* P. Sorokina. *Kul'tura i iskusstvo*, no. 4 (22), pp. 381–392. DOI: 10.7256/2222-1956.2014.4.12366 (In Russ.).

Goldhoorn, B., Meuser, Ph. (2006) *Capitalist Realism. New Architecture in Russia*. DOM Publishers. Pp. 17–31.

Submission date: 15.07.2025.

Фесенко Дмитрий Евгеньевич — соискатель кафедры философии, социологии и культурологии Московского гуманитарного университета, главный редактор журнала «Архитектурный вестник». Адрес: 111395, Российская Федерация, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-60-21. Эл. адрес: fesenko.dmitry@mail.ru

Fesenko Dmitry Evgenievich, Applicant for a Degree, Department of Philosophy, Sociology and Cultural Studies, Moscow University for the Humanities, Editor-in-Chief, Journal “Arkhitekturny Vestnik”. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-60-21. E-mail: fesenko.dmitry@mail.ru

DOI: 10.17805/zpu.2025.3.15

Синквейн как культурно-педагогический феномен и средство анализа представлений детей старшего школьного возраста о семье

Е. Н. СУВОРКИНА

РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ С. А. ЕСЕНИНА

В статье осуществляется анализ феномена «синквейн» в рамках культурологической и педагогической парадигмы. Такой двойной анализ необходим вследствие того, что дидактический (педагогический) синквейн основывается на двух жанрах японской поэзии — хайку (хокку) и танка. Первый представляет собой жанр, для которого характерно создание 17-слового нерифмованного конструкта, состоящего из трех строк; второй — 31-слового нерифмованного произведения из пяти строк. В свою очередь, синквейн — пятистрочный нерифмованный конструкт. Его востребованность в обучении обусловлена его универсальностью. Как педагогический синквейн, он может быть создан на любую тему по различным дисциплинам в рамках непрерывного образования «детский сад — школа — вуз», а также в рамках различных мероприятий внеучебного плана. Синквейн дает возможность быстро оценить уровень, глубину полученных знаний обучающегося, а также его позицию по конкретному вопросу в зависимости от поставленной цели.